

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Институт языкознания

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт мировой культуры

И. А. ПИЛЬЩИКОВ

**БАТЮШКОВ
И ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ**

Филологические разыскания

Под редакцией М. И. Шапура

«Языки славянской культуры»

Москва 2003

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 02-06-87037)*

Пильщикова И. А.

П 32 Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания / Под ред. М. И. Шапира. — М.: Языки слав. культуры, 2003. — 314 с. — (Philologica russica et speculativa; Т. III).

ISBN 5-94457-110-1

В монографии впервые освещается весь комплекс отношений К. Н. Батюшкова с итальянской культурой: его произведения на итальянские темы, переводы, подражания и стилизации, цитаты и реминисценции из итальянских писателей, употребление итальянского языка в письмах и т. д. Используя традиционные и оригинальные методы исследования, автор монографии выявляет и систематизирует многочисленные факты воздействия переводной поэзии (не только отечественной, но и западноевропейской) на русский поэтический язык конца XVIII — XIX вв. Работу отличает последовательно филологический подход к явлениям языка и культуры.

Книга может оказаться интересной специалистам по русской филологии, по истории русской литературы и сравнительному литературоведению, по истории русского языка и лингвистической поэтике, по истории и теории художественного перевода, а также музыковедам и всем, кому дорога и близка русская поэзия «золотого века».

ББК 83.3(2Рос = Рус)

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 % M153; e-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20-9102; e-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© И. А. Пильщикова, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
<i>Глава первая</i>	
У истоков батушковской тассианы: послание «К Тассу» (1808)	11
<i>Глава вторая</i>	
Переводы из «Освобожденного Иерусалима» (1808—1810)	34
<i>Глава третья</i>	
Переводы и выписки из итальянских поэтов (1810—1811)	62
<i>Глава четвертая</i>	
Итальянские темы в письмах Батюшкова (1807—1820)	90
<i>Глава пятая</i>	
«Ариост и Тасс», «Петрарка», «Пантеон итальянской словесности» (1815—1817)	116
<i>Глава шестая</i>	
Мотивы Петрарки у Батюшкова и Пушкина (1815—1817 и 1821—1831)	141
<i>Глава седьмая</i>	
Элегия «Умирающий Тасс»: Dichtung und Wahrheit (1817)	158
Вместо заключения	180
Примечания	186
Библиография	238
Приложения	274
Указатель имен	304

ВВЕДЕНИЕ

Назвавъ Батюшкова «страстнымъ любителемъ Италіянской и Французской поэзіи», Уваровъ выразилъ общее мнѣніе современниковъ: тогдашнимъ читателямъ «Опытовъ в Стихахъ и Прозе» Батюшковъ казался полномочнымъ представителемъ романскихъ литературъ в Россіи¹. Другой рецензентъ с похвалою отзывался о статьяхъ, в которыхъ авторъ «Опытовъ» пишетъ «о Пійитическомъ характерѣ безсмертныхъ образцовъ своихъ: величественнаго *Тасса*, игриваго *Аріоста* и нѣжнаго *Петрарки*» (Козловъ 1817, 626). Кюхельбекеръ отождествлялъ «характеръ Поэзіи Италіянцевъ и питомца ихъ, Батюшкова» (1820б, 149). Воейковъ восторгался стихами Батюшкова — поэта, «сладостными, плѣнительными звуками золотой своей лиры» >напоминающаго *Аріоста* и *Петрарку*» (1821а, 175). *Роскошный Батюшковъ!* — восклицалъ тотъ же Воейковъ, — *У Тасса взялъ ты жезлъ Армиды чудотворный <...> твой слогъ есть совершенство* (1819, 254—255). В статьѣ из «Энциклопедическаго лексикона» (первой русской энциклопедии, учрежденной А. А. Плюшаромъ) мы читаемъ, что Батюшковъ «твердо изучалъ литературу народовъ южныхъ и особенно Италіянскую, и душевно былъ привязанъ къ пѣвцамъ Италіи»; онъ «подражалъ *Тассу*, подражалъ <...> *Петраркѣ* и *Аріосту*», но, «не смотря на это внѣшнее вліяніе, онъ каждую мысль, каждый оттѣнокъ чувствованія усвоивалъ себѣ самостоятельно. Вездѣ видишь человѣка, который не рабски увлеченъ своими образцами, но сошелся съ ними свободно, по внутреннему сочувствію, по природному настроенію своей души» (Плаксинъ 1836, 97; ср. Никитенко 1839, 460). «Отечество *Петрарки* и *Тасса* было отечест-

вомъ музы русскаго поэта. Петрарка, Аріостъ и Тассо, особливо послѣдній, были любимѣйшими поэтами Батюшкова», — писал Белинский (1843, 67)². Главные русские итальянисты XX столетия называли Батюшкова «пионером нашей итальяномании» (Розанов 1928, 12) или «италомании» (Голенищев-Кутузов 1971, 457).

Ужé первые биографы поэта отмечали роль, какую в его жизни играла итальянская культура (Бунаков 1855, 92, 96; Гревенец 1883, 546; Грот 1887, 3, 13; Майков 18876, 25—26, 35—36)³. Однако филологические экскурсы в область итальянских интересов Батюшкова крайне немногочисленны, и можно лишь удивляться, как мало внимания привлекала эта проблема: у нас «до сих пор нет исследования, которое охватывало бы весь комплекс вопросов об отношении Батюшкова к итальянской литературе» (Горохова 1975, 241 примеч. 24; ср. Серман 1972, 233). Тем не менее в науке, похоже, установилось молчаливое согласие насчет того, что в сложившихся представлениях о связях Батюшкова с культурой Италии серьезных пробелов нет. Симптоматично, что в программной статье Н. В. Фридмана, призванной «наметить и осветить те основные проблемы изучения творчества Батюшкова, которые до сих пор остаются неясными и спорными или даже вовсе не поставлены в научной литературе» (1964а, 305), об итальянской проблематике речь не заходит.

Филологическому изучению литературного и эпистолярного наследия Батюшкова начало положил академик Л. Н. Майков, подготовивший при участии В. И. Сайтова трехтомное собрание сочинений, приуроченное к столетию со дня рождения поэта (см. Майков 1885—1887а). «Для каждаго изслѣдователя русской литературы <...> недавно появившееся издание Б а т ю ш к о в а будетъ отнынѣ необходимымъ пособіемъ, — говорил Я. К. Грот. — Оно составляетъ важный вкладъ въ исторію всей русской литературы первыхъ десятилѣтій 19-го вѣка» (Грот 1887, 2; Семевский 1887, 520—521). Научный аппарат юбилейного издания, занимающий более шестисот страниц, — это беспрецедентное явление в истории батюшковианы: в предшествовавших публикациях пояснения практически отсутствуют⁴. Вместе с тем в майковских комментариях есть неточности и лакуны, неизбежные хотя бы в силу новаторского характера работы. Более или менее существенные поправки и дополнения, сделанные позднейшими редакторами, общей картины не изменили.

Увлечение итальянской словесностью началось у Батюшкова с поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим». В дальнейшем хронологические рам-

ки его интересов расширились — в сторону раннего Возрождения и Предвозрождения (Ариосто, Боккаччо, Петрарка, Данте), поэзии Сеттеченто (Касты, Метастазо, Ролли), современной литературы (Альфьери, Монти). Масштабы исследовательских работ куда скромнее. Единственная статья на тему «Батюшков и Тассо» (Varese 1969) представляет собой сводку результатов, добытых Майковым. Материалы этой, а также предшествующей статьи М. Ф. Варезе об отношении Батюшкова к итальянской литературе (Varese 1968) включены в монографию «Батюшков: поэт между Россией и Италией» (Varese 1970); малооригинальный характер этой работы был отмечен рецензентом (Серман 1972, 233—234; ср. Горохова 1975, 241 примеч. 24). Изучение влияния Петрарки на Батюшкова, по словам И. М. Семенко (1977, 473), «в сущности, только начато» в работах А. И. Некрасова (1911) и Н. Контьери (Contieri 1959). В 1970-е годы появились статьи Р. М. Гороховой, посвященные восприятию Ариосто и Тассо в России XVIII — первой трети XIX в. (Горохова 1973; 1974; 1976; 1978; 1979; 1980), а также две монографии — Н. В. Фридмана (1971) и И. З. Сермана (Serman 1974), — в которых уделено место итальянским связям Батюшкова. Среди обобщающих работ следует отметить статью в академической «Истории русской литературы» (Верховский 1941). Авторам названных исследований удалось детализировать и углубить наши представления об «итальянской составляющей» в творчестве Батюшкова, и всё же многие положения, высказанные в этих трудах, сегодня нуждаются в критическом пересмотре. Необходимость ревизии тем более очевидна, что за последние десятилетия в научный оборот было введено значительное количество новых источников, таких как пометы и записи Батюшкова на полях «Трактата об итальянской поэзии» Антонио Скоппы (Янушкевич 1990, 13—26), а также около сотни писем Батюшкова и десятки писем к нему.

Культурную самобытность Италии Франция осознала раньше, чем Россия, — благодаря этому Батюшков и его современники, обращаясь к итальянской словесности, могли прибегать к «посредничеству» французских переводов и историко-литературных разысканий (ср. Заборов 1963, 81—85; 2000, 41—44). В свою очередь, итальянская культура воспринималась как связующее звено между другими национальными новоевропейскими традициями и греко-римской античностью: «Поэзія Італіянська служитъ какъ бы чертою прикосновенія между древною и новою поэзією» (Георгиевский 1836, 79; Берков 1970, 20). Начав с увлечения Древним

Римом, Батюшков обрел двуединую Италию — «землю Сципионову и Арюстову»⁵. Вот почему филологическое освещение русско-итальянских литературных контактов постоянно сопровождается экскурсами в область литературы латинской и французской.

Цель этой книги — новая интерпретация связей русского поэта с культурой Италии. Перед автором стоит двуединая задача: продемонстрировать логику развития итальянских интересов Батюшкова, широко привлекая для этого, в том числе, малоизвестный материал. Исследование носит преимущественно генетический характер, однако по ходу дела обсуждаются также эволюция и типология художественных форм. В работе затронут достаточно широкий круг тем: историческая рецепция иноязычных культур, история и теория художественного перевода, история русского поэтического языка и поэтика русской литературы первой трети XIX в.; впервые подробно освещается вопрос об отношении Батюшкова к итальянской опере; в ряде случаев приходится заново решать проблемы текстологии и датировки. Я надеюсь, что монография при этом не распадется на отдельные фрагменты: ее целостность обеспечена общим предметом исследования и единством его методов.

Основной предмет моих занятий предопределяется их филологической природой: только филологию интересует «*текст как целое* <...> то есть уникальное, неповторимое единство смысла во всей полноте и в любых тонкостях его материального воплощения в чувственно воспринимаемой форме» (Шапир 2002б, 57 и др.; ср. 1994б, 275; а также Винокур 1981, 37—38, 41—47; Аверинцев 1972, стб. 973; Степанов 1994, 29). Смысл постигается путем исторически достоверного истолкования текста (Винокур 1923, 5), разумеется, понятого в совокупности не только внутренних, но и внешних его связей. По степени строгости и доказательности такое истолкование может не уступать результатам естественных наук (ср. Шапир 1997; 2001). Поэтому даже в области литературного генезиса, которая поддается формализации с большим трудом, я стремлюсь к максимально доступной точности выводов, основанных на системном изучении многочисленных лексико-фразеологических и ритмико-синтаксических соответствий между текстами.

Филолог изучает смыслы лишь постольку, поскольку они нашли выражение в языке, и, наоборот, рассматривает язык прежде всего как манифестацию культуры (Шапир 1994б, 275; ср. Винокур 1981, 4, 43—44, 50—54). С этой точки зрения, сравнительное литературоведение и исто-

рия переводной литературы — дисциплины филологические по своей сути: изучение творческой рецепции иноязычного произведения без опоры на лингвистические данные невозможно. В то же время полноценный анализ отношений перевода к оригиналу требует экстралингвистических сведений: типы и уровни эквивалентности то и дело меняются (ср. Catford 1965), что в значительной мере обусловлено воздействием внешнего (историко-культурного) контекста. Именно он заставляет меня выйти за рамки традиционной модели «текст-источник — текст-результат»: я квалифицирую переводные произведения как полигенетические, аккумулирующие опыт «версий-посредников» (Пильщиков 1999г, 9; ср. 19956; 2001). Такой подход позволяет выявить многочисленные факты воздействия переводной поэзии (не только отечественной, но и западноевропейской) на русский стихотворный язык рубежа XVIII—XIX вв.

К сожалению, с конца 1940-х годов по нынешний день сравнительно-историческое изучение русской литературы переживает не лучшие времена. В современном западном литературоведении компаративистика подпала под влияние постмодернистской идеологии, которая привела *littérature comparée* к полной интеллектуальной деградации и окончательной утрате методологических ориентиров. В последние годы те же тенденции набирают силу в России, где увидели свет и приобрели популярность сочинения, авторы которых не задумываясь жертвуют научной достоверностью ради броского изложения и ложно понятой оригинальности. Этим фактически ознаменован разрыв с научной традицией, которая вызвала к жизни образцовые исследования, посвященные международным связям русской поэзии «золотого века». Из работ, которые заслуживают названия классических, в первую очередь следует упомянуть монографию А. Н. Егунова о русских переводах Гомера (1964), а также итоговый сборник статей Б. В. Томашевского «Пушкин и Франция» (1960), книгу академика М. П. Алексеева «Пушкин: Сравнительно-исторические исследования» (1972) и фундаментальный труд того же автора о русско-английских литературных связях, особенно главу о Томасе Муре (Алексеев 1982, 657—824). Широкой филологической эрудицией отличались компаративные пушкиноведческие этюды М. Ф. Мурьянова: об армянском предании в «Гавриилиаде», об отношении Пушкина к Песни песней, об отрывке «Когда владыка ассирийский...», о выражении *süße Gewohnheit* у Пушкина, Гофмана и Гёте (Мурьянов 1973, 73—80; 1974; 1996, 200—222; 1999) и ряд других. Но ни в одной из перечисленных работ

Введение

не проанализирована хотя бы с относительной полнотой и последовательностью история рецепции целой национальной литературы в творчестве одного писателя — кажется, такого рода исследование предпринимается у нас впервые.

* *
*

Некоторые темы, рассматриваемые на страницах этой книги, были затронуты в предварительных публикациях (см. Pilshchikov 1994b; 1995b; Pil'shčikov 1995a; Пильщиков 1994; 1995a; 1997; 1999a; 1999г; 2000a; 2000б; 2001; 2002a; 2002б), — все эти «сюжеты» в монографии существенно переработаны и дополнены. Я хотел бы выразить искреннюю признательность своим друзьям и коллегам: М. В. Акимовой, С. Г. Болотову, С. Гардзонио, А. А. Добрицыну, И. Г. Добродомову, А. А. Илюшину, Т. М. Левиной, — взявшим труд ознакомиться с моей работой в рукописи и не поскупившимся на поправки и замечания. Не сомневаюсь, что эта критика пошла книге на пользу и уберегла меня от многих непростибельных промахов. Особая благодарность М. И. Шапиру, не раз выручавшему меня в тяжелую минуту, — вот и сейчас он любезно согласился стать моим редактором.

И. Пильщиков

Январь 2003 г.

Глава первая

У ИСТОКОВ БАТЮШКОВСКОЙ ТАССИАНЫ: ПОСЛАНИЕ «К ТАССУ» (1808)

1. Среди итальянских увлечений Батюшкова особое место занимает Торквато Тассо, которому поэт, по его собственному признанию, был «обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни»⁶. В XVIII — начале XIX в. героическая поэма Тассо «*Gerusalemme liberata*» («Освобожденный Иерусалим») неизменно оставалась в центре читательского внимания; в своем жанре она соперничала только с «Илиадой» и «Энеидой» и к 1820-м годам оттеснила на задний план некогда популярную «Генриаду» Вольтера.

7 августа 1808 г. Батюшков, находившийся в Финляндском походе, отправил Н. И. Гнедичу в Петербург свое послание «К Тассу» и стихотворный отрывок, переведенный из I песни «Освобожденного Иерусалима». Посылку Батюшков сопроводил запиской: «Я къ тебѣ писать не буду. Ты самъ лѣнивъ. Напечатай эти *стишки* въ Драм<атическомъ> Вѣстникѣ чтобы доказать что я *живъ* и волею Божіею еще не *помре* съ печали: Я выбралъ нарочно трудны<я> мѣста для переводчика. Послание къ Тассу тебѣ понравится, марай дурное, воля твоя — но пожалѣй не много сіе новорожденное дѣтище. Прости до первой почты»⁷.

Стихи были опубликованы в VI части «Драматического Вестника» (1808). О послании «К Тассу» Л. Н. Майков писал: «Не смотря на недостатки внѣшней формы, стихотвореніе это замѣчательно, какъ первая попытка нашего автора воспроизвести печальный образъ своего любимаго поэта» [Майков 1887а, I: 74 (1-й пагинации); ср. Белинский 1835, стб. 207; 1843, 67]. Историки литературы неоднократно ставили перед собой задачу определить источники послания и восстановить его культур-

ный контекст, но единства мнений при этом не обнаружили. Н. В. Фридман полагал, что «трактовка темы несчастий поэта» в раннем стихотворении Батюшкова «приближается к обличительным мотивам в творчестве радищевцев» (Фридман 1971, 202, ср. 201), однако никаких параллелей из их сочинений приведено не было. Другим произведением, якобы «повлиявшим» на батюшковское послание 1808 г., исследователь по оплошности счел оду Капниста «Зависть пиита», написанную в 1817—1820 гг. (Фридман 1971, 202). Р. М. Горохова услышала в послании «К Тассу» «отзвуки „Veglie“ <„Тассовых бдений“». — И. П.>, которые Батюшков несомненно прочитал к тому времени» (Горохова 1978, 140). На чём основана такая уверенность, неясно: прямых свидетельств знакомства поэта с нашумевшей мистификацией Компаньони нет⁸. У. Э. Браун отыскал в батюшковском стихотворении «черты романтизированного портрета Тассо, почерпнутые у Сисмонди» (Brown 1986, 239). Этот отзыв также должен расцениваться как недоразумение: книга Сисмонди «О литературе юга Европы» увидела свет только в 1813 г.

Между тем уже Л. Н. Майков имел в своем распоряжении данные, позволяющие найти отправную точку для изучения батюшковского послания. Проверя замечания Кюхельбекера и Пушкина о том, что элегия Батюшкова «Умиращий Тасс» переведена с французского⁹, Майков потратил много усилий на поиски французского стихотворения о судьбе Торквато. Наконец такое произведение встретилось ему «въ сборникѣ <„Encyclopédie poétique“ <...> изданномъ въ Парижѣ въ 1780 году» (Майков 1894, 553 примеч. *; 1899, 314 примеч. 1). В статье «Пушкин о Батюшкове» Майков сообщил, что «элегія» «на тему о бѣдствіяхъ, перетерпѣнныхъ Тассомъ», «подъ заглавіемъ „Les malheurs et le triomphe du Tasse“, была написана Лагарпомъ». «Батюшковъ, вѣроятно, зналъ эту весьма слабую піесу; но сходства между нею и элегіей Русскаго поэта нѣтъ ни въ чемъ, кромѣ общаго основнаго мотива» (1894, 553). В «пересмотрѣнное» издание майковской биографии Батюшкова также было введено замечание о том, что поэт «могъ <...> знать плохую элегію Лагарпа „Les malheurs et le triomphe du Tasse“» (Майков 1896, 176). Выводы Майкова были поддержаны всеми учеными, писавшими на ту же тему (Фридман 1971, 204; Семенко 1977, 569; Горохова 1979, 38—39). Непонятно, однако, почему исследователи сопоставляли французский текст только с одним из двух стихотворений Батюшкова, посвященных великому итальянцу. Лагарпова «элегія», о которой говорил Майков (La

Harpe 1780), — это републикация «Послания к Тассу» («Épître au Tasse»), которое будущий автор «Лицея» написал в 1775 г. и впервые напечатал в парижском 6-томном собрании сочинений (La Harpe 1778, II: 223—231). Одноименное послание Батюшкова есть вольный перевод этого произведения (Pil'ščikov 1995a, 126; Пильщикова 1997, 8 слл.)¹⁰.

Не сто́ит забывать, что в свое время авторитет Лагарпа-стихотворца был столь же высок, как и авторитет Лагарпа-критика. Обращение к «Épître au Tasse» органично вписывается в общую картину литературных вкусов и пристрастий Батюшкова 1800-х — начала 1810-х годов. Летом 1810 г. поэт, по его собственному выражению, «къ Мечтѣ прибавилъ Горация»¹¹. Новые, «горацианские» стихи в переработанной редакции «Мечты» В. Э. Вацуро (1994, 94—98) рассматривал как оригинальный отрывок, ориентированный на «французскую анакреонтическую традицию». Однако добавленный фрагмент был заимствован из «Ответа Горация Вольтеру» — это послание Лагарп написал от имени древнеримского поэта («Réponse d'Horace à M. de Voltaire», стихи 105—117; Pilshchikov 1994a, 106—107). Аналогичное художественное решение Батюшков рекомендовал Гнедичу (7 ноября 1811 г.), предложив ему к стихотворению «Уныние» «прибавить <...> la mélancolie de la Harpe», то есть отрывок из послания Лагарпа А. П. Шувалову, изображающий аллегорическую фигуру Меланхолии: «Подражай смѣло <...> Всѣ стихи прекрасны и достойны перевода» (Ефремов 1883, кн. V: 336; Майков 1886, III: 150)¹². Гнедич внял совету друга, и в письме от 27 ноября — 5 декабря 1811 г. Батюшков с удовлетворением отметил: «<...> все хорошо. И стихи изъ Лагарпа прекрасны» (Ефремов 1883, кн. V: 344; Майков 1886, III: 162).

Батюшкова привлекала не только оригинальная, но и переводная поэзия Лагарпа¹³. Его версию «Освобожденного Иерусалима» Батюшков использовал в качестве вспомогательного источника при работе над собственным переводом (Пильщикова 1997, 25—27; 2001). Лагарп приступил к «Jerusalemme liberata» в середине 1790-х годов (Todd 1972, 68—70, 159—161, 264 п. 74; Jovicevich 1973, 187), но окончить свой труд не успел. Отрывки из него появлялись в 1800—1805 гг. в «Mercure de France» и в «Альманахе Муз», а полностью восемь песен были опубликованы во II томе «Избранных и посмертных сочинений» (La Harpe 1806, II: 143—352; Beall 1942, 244; Todd 1979, 175—176). Здесь впервые издан фрагмент лагарповского перевода (песнь I, стихи 255—326),